

Когда Чжо Цинхуа пришёл в себя, ему казалось, что в груди всё ещё тупо ноет.

Он не смог преодолеть небесную скорбь и вознестись.

Причина смерти: удар в спину от ученика.

Неблагодарный волк, в воспитание которого он вложил все силы за целый век, пронзил его сердце именным мечом, подаренным самим Чжо Цинхуа.

И как назло: по идее, после тяжелейших ранений от рук ученика да ещё и девяти смертоносных ударов молнии его душа должна была разлететься в прах без малейшей надежды на спасение.

Почему же он всё ещё жив?

— Не сдох — так вставай, кого ты тут пугаешь, раскинувшись?

Грубый, пропитанный презрением голос резанул слух. Чжо Цинхуа открыл глаза, и его взору предстало лицо, на семь десятых схожее с лицом его ученика.

Плёт!

Пощечина звонко приземлилась на щеку парня, оставив после себя пять ярко-красных отпечатков пальцев.

Остолбенел не только этот мужчина — замерли даже стоявший рядом фельдшер скорой помощи и остальные сотрудники съёмочной группы.

Придя в себя, мужчина шумно задыхал носом, раздувая ноздри, и злобно заскрежетал зубами:

— Ты смеешь меня бить?!

Ситуация складывалась странная. Похоже, этот человек — вовсе не тот непутёвый ученик.

Чжо Цинхуа взглянул на собственные руки и выдал самое нелепое оправдание:

— На лице сидела мушка.

Все вокруг замолчали.

Откуда взяться мухам в такую стужу?

Режиссер, убедившись, что с Чжо Цинхуа всё в порядке, махнул рукой, прогоняя зевак:

— Ладно, расходимся все, хватит пялиться!

Получивший пощёчину мужчина явно намеревался продолжить перепалку, но подоспевший агент силой утащил его прочь.

Зеваки из массовки начали расходиться, переговариваясь на ходу.

— С чего это кто-то вздумал подавиться едой чуть ли не до смерти?

— И всё из-за этой Фан Лулу! Прибежала пугать человека прямо во время обеда...

— Тц, даже не знаю, как это назвать.

Чжо Цинхуа опустил взгляд на чужие руки и несколько раз сжал их в кулаки.

Чужое тело, чужие ощущения...

— Братец Чжо! Ты в порядке?

Какой-то паренёк с запыхавшимся видом вихрем подлетел к нему и врезался прямо в грудь.

Чжо Цинхуа от толчка пошатнулся, и его хрупкое тело, скользнув по заснеженной земле, словно сухая ветка, завалилось назад.

Оба шмяклись на задницы.

Терпя боль в копчике, Чжо Цинхуа чувствовал, как у него подёргивается веко.

— Желаешь ли ты лишить меня жизни?

Паренёк неловко поднялся на ноги и помог подняться сердито глядевшему на него Чжо Цинхуа.

Тот простодушно почесал в затылке:

— Братец Чжо, ты чего говоришь-то? Ещё из роли не вышел?

— Из роли? — Чжо Цинхуа придержал поясницу и нахмурился: — Я не играю никаких ролей.

Паренёк опешил:

— Братец Чжо, мы же пришли на съёмочную площадку, чтобы играть роли, зарабатывать деньги и на них жить. Если ты не будешь играть, как ты дальше собираешься существовать?

Тут Чжо Цинхуа всё понял.

Его изящно изогнутые брови сошлись на переносице:

— Есть ли у вас зеркало? Одолжи мне взглянуть.

— Братец Чжо, — растерянно и встревоженно произнёс паренёк, — ты часом рассудок не повредил, когда подавился?

— ...Ты сам-то слышишь, что говоришь?

Хорошо! Раз может объясняться на простом языке — значит, с головой всё в порядке!

Паренёк тут же достал из своей сумочки карманное зеркальце для макияжа и почтительно протянул его.

Чжо Цинхуа остался доволен его учтивым поведением.

С тех пор как в двухсотлетнем возрасте он занял пост главы Секты Десяти Направлений, мало кто осмеливался проявлять к нему неуважение.

Чжо Цинхуа поднял зеркало перед собой.

Спустя две секунды он с громким стуком перевернул зеркало лицом вниз в ладони и глубоко вздохнул.

Хорошая новость: он переродился через переселение душ.

Плохая новость: лицо человека, в тело которого он вселился, выглядит точь-в-точь как у тех демонических отродий, что он истреблял у подножия гор.

— Слишком вызывающе... — Чжо Цинхуа не удержался и снова поднёс зеркало к лицу, разглядывая его с каждым разом всё с большим недовольством.

Однако паренёк не согласен покачал головой:

— В нашей профессии красивое лицо — это самое главное, иначе как зрители одобряют нас на экране?

Оглядевшись по сторонам, он понизил голос и зашептал Чжо Цинхуа:

— Эта Фан Лулу, которая играет главную женскую роль, жутко завидует твоей красоте, ты её почти затмеваешь...

— Разве может мужчина быть красивее женщины? — возмутился Чжо Цинхуа.

Паренёк ничего не ответил и молча поднял то самое зеркало.

Чжо Цинхуа отвёл взгляд, не в силах на это смотреть.

Своё прежнее лицо он любил куда больше: густые брови, ясный взгляд, правильные черты.

Сразу видно — надежда праведного пути.

Вспомнив недавнее прошлое, Чжо Цинхуа помрачнел.

Наверное, это было предначертанное испытание, избежать которого он не мог...

Он нашёл чистую площадку, уселся на неё в позе лотоса и сложил пальцы в жест сбора духовной энергии в области даньтяня.

Однако сколько он ни старался, собрать хотя бы капельку духовной энергии не удавалось.

Помучавшись добрую половину дня, Чжо Цинхуа не выдержал и презрительно сплюнул:

— Скверно!

Здесь небеса и земля бедны духовной энергией, вокруг царит лишь смрад человеческих пороков — для культивации это место совершенно не годится.

Пока Чжо Цинхуа в тревоге и растерянности размышлял о своём будущем, перед ним вдруг возникли плотцы на толстой подошве с вышитыми цветами персика.

Чжо Цинхуа поднял взгляд по ногам выше.

Юная девушка лет двадцати на вид оказалась такой миловидной и одухотворённой, что он невольно вспомнил своего маленького ученика в день, когда впервые подобрал его.

И всё же, стоило девушке заговорить, как от её слов повеяло могильным холодом, а по спине побежали мурашки.

— Цинхуа-гэге, когда ты только что подавился, я так сильно волновалась! Боялась, что ты вдруг испустишь дух и упустишь этот шанс наконец прославиться.

Она пришла не утешать — она пришла посмеяться над ним.

Чжо Цинхуа задумался на мгновение:

— Разве прославиться трудно?

Разве недостаточно просто взять охапку хвороста и поджечь?

Его голос прозвучал так уверенно, словно за его спиной стояли влиятельные покровители, и это ошеломило Фан Лулу, которая нарочно явилась затеять ссору.

— Т-ты что, и вправду нашёл себе спонсора среди боссов-инвесторов? — Фан Лулу подозрительно окинула Чжо Цинхуа взглядом, но тут же отбросила эту мысль.

На её лице застыла улыбка, полная презрения и спеси, а голос сделался приторно-сладким:

— Кого вообще продвигают на такие ничтожные роли проходных персонажей? Раз уж твой покровитель настолько жалок, Цинхуа-гэге, тебе придётся постараться самому!

Помощник Сяо Тан, приближаясь с термосом в руках, уже испугался, что Фан Лулу снова пришла донимать его братца Чжо.

Но, подойдя ближе, он услышал, как братец Чжо совершенно суровым и серьёзным тоном произносит:

— Судя по твоему голосу — тонкому, резкому и лишённому внутренней силы, — этот рот у тебя, скорее всего, уже испорчен. Я выпишу тебе рецепт, будешь принимать отвары по

расписанию, и через несколько приёмов гарантирую: дурного запаха изо рта как не бывало, и люди больше не будут брезгливо отворачиваться от тебя.

Сяо Тан: «...»

Он просчитался.

Братец Чжо, обычно такой робкий, вдруг научился давать отпор!

Очевидно, Фан Лулу никак не ожидала, что всегда покорный и всё сносивший Чжо Цинхуа так публично опустит её в грязь.

Её выразительные глаза мгновенно наполнились слезами, и она, всхлипывая и приподнимая подол костюма, убежала прочь.

На съёмочной площадке всегда хватало любителей сплетен, и этот эпизод, наверняка замеченный многими, вновь породит массу грязных слухов.

Утешая Чжо Цинхуа, Сяо Тан протянул ему термос:

— Братец Чжо, сделай глоток горячей воды, успокойся. Что такого тебе наговорила эта Фан Лулу? Ты аж разозлился! — он искренне изумлялся.

Чжо Цинхуа отвинтил крышку термоса, и клубящийся оттуда пар показался невероятно ценным в этот морозный день.

Он ответил бесстрастно:

— Ничего не понял.

— А?

— Из того, что она сказала, я не понял ни слова.

— ...

— Но от неё веяло демонической аурой. С первого взгляда ясно, что она не чистокровный смертный, — помрачнев, твёрдо произнёс Чжо Цинхуа.

Сяо Тан почесал в затылке и нервно усмехнулся:

— Братец Чжо, ты случайно не имел в виду, что она разговаривала загадками и язвила?

Чжо Цинхуа сдувал пар с горячей воды, и его лицо постепенно прояснялось сквозь поднимающуюся белую дымку.

В его глазах будто зажглась крошечная лампочка.

— Язвила... загадками? Речь смертных и впрямь лаконична, но сколь глубокий смысл она в себе таит.

<http://bllate.org/book/21909/2275859>